

# Пока "Титаник" плывет...

Два вечера "Титаник" главал по российской сцене и, похоже, не утонул. Фирма "Айс Интертеймент" и, само собой, "Наутилус Помпилиус" продемонстрировали народу, занявшему абсолютно все места в трехтысячном зале, что рок-н-ролл может быть и таким. Таким — это когда за спиной клавишника и саксофониста группы Анатолия Могилевского появляются экспансивные женщины в черных платьях, и, подтанцовывая, начинают что-то подпевать Славе Бутусову, а в виде живой экспозиции в глубине сцены возникает образ девочек-барabanщиц или детский хор.

Трудно сказать, сколь порадовало такое шоу публику, ибо премьера занимала лишь первую часть концерта. Во второй же, как и обещали афиши, "Нау", подобно Санта-Клаусу, одаривал собравшихся своими старыми суперхитами, и венчавшие программу "Я хочу быть с тобой" и "Гуд бай, Америка!" не могли не гарантировать успеха (по крайней мере, в этом зале). Естественно, цветы (много), естественно, поклонники (немало), естественно, аплодисменты (бурные и продолжительные), вследствие чего "на бис" (что, вообще-то, не в традициях "Наутилуса") Слава исполнил также старую хитовую песню-притчу "Я нес...". После чего в гримерку к нему устремились какие-то респектабельно одетые дяди, жаждавшие получить автограф и обязательно угостить его большим спелым яблоком. Дядей не пустили. "Звезды" нашего рок-ролла ныне тоже охраняются, что создает дополнительные трудности в общении с ними. Впрочем, "Поп-базару" в который уже раз удалось их преодолеть, и обстоятельная беседа со Славой Бутусовым состоялась именно в той комнате, куда так и не удалось проникнуть мужчинам с яблоком.

— Ты ожидал, что будет такой аншлаг?

— Честно говоря, я вообще о нем не думал. Но теперь еще раз убедился: Москва — специфический город. Нигде концерты наши не проходят с таким энтузиазмом, как здесь.

— Что, даже в Питере уже по-другому?

— Если сравнивать "Россию" с аналогичным номенклатурным залом там, то есть с "Октябрьским", то я тебе скажу: сколько мы в нем ни выступали, всегда все проходит очень тяжело. Ощущаешь себя как бы не в своей тарелке.

— А зачем ты вообще из Екатеринбурга в Питер переехал?

— Разные причины были. Зачем о них теперь говорить? В конце концов, моя вторая семья из Петербурга. Так что есть, наверное, какая-то логика. Существуют и другие моменты. И потом, чего хитрить — мне нравится жить в Питере. А Екатеринбург все-таки не родной мой город (Бутусов родился в Красноярске. — М. М.), поэтому никакого предательства

я вроде не совершил и в принципе рад, что судьба именно так повернулась.

— Гарик Сукачев в Калининградской филармонии с детьми пел, теперь вы затеяли хорошие изыски. Развлекаетесь?

— Мне кажется, у всех музыкантов рано или поздно возникает потребность хотя бы раз нечто подобное сделать. Понимаешь, у нас же типичная концертная жизнь. Залы те же, города те же, а тут действительно какое-то развлечение. Не знаю, хорошо это или плохо, но работать так пока интереснее.

— Чьи в основном тексты в "Титанике", твои или Кормильцева?

— У нас давно уже, в общем-то, установился своеобразный баланс: процентов восемьдесят пишет Илья, остальное — я. Грубо говоря, из десяти песен восемь — его, две — мои. Я очень долго дорабатываю текст.

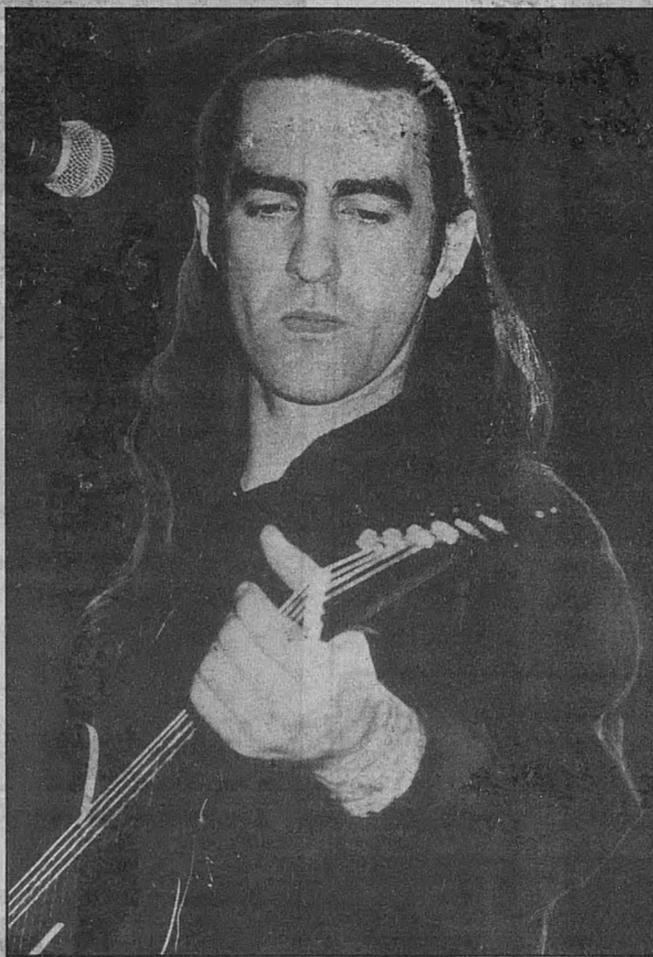
Вообще-то хорошо, что у нас возник такой авторский союз. По молодости мы ведь чего только не пробовали.

— Чего?

— Ну, поэтов различных классических третируют. Затем я начал писать, но в принципе не собирался серьезно этим заниматься. Так получилось — по необходимости. А теперь вот продолжаю. Но у меня нет такой работоспособности, как у Ильи.

— После периода достаточно жесткого социального творчества "Нау" с головой ушел в романтику. Каковы предпосылки этого поворота?

— Хронология событий вспоминается с большим трудом. Я бы объяснил это так: мы увлеклись



социальным роком уже в достаточно позднем периоде. Когда до нас другими группами сказано было достаточно. Наша струя протеста оказалась послабее и, естественно, быстро иссякла. А изменившиеся взгляды, вкусы, особенности характера привели нас в романтизм.

— А в ночных клубах вы теперь начали выступать, чтобы побольше денег зарабатывать?

— Каждый человек, доходя до определенной возрастной точки, наэкспериментировавшись и оттянувшись, приходит к выводу, что нужно изменить тип мышления, действий. И для нас это своего рода перемена. И потом, мне кажется, клубные выступления в ближайшее время станут в России столь же перспективным делом, как и на Западе.

— Но разве собирающаяся в таких клубах публика тебя устраивает? Все-таки вы играете не танцевальную музыку?

— Моральное удовлетворение я получаю от творчества, от записи в студии. Остальное — работа. На свои концерты я хожу, как на завод.

— Что-то слишком бесстрастно звучит. По-моему, так рок-н-ролл не делается.

— Ну, я не в этом смысле. А разве на работу люди приходят тупо сидеть, что ли? Там нужно трудиться, порой что-то изобретать, и без энтузиазма, без энергии все это превратится в скуку. Просто я имею в виду, что концертная деятельность — мое ремесло. Вот был бы я архитектором, сидел бы где-нибудь в уголке, чертил, никто бы меня ни о чем не спрашивал. А здесь, видишь, все на виду — нервотрепка одна.

— Почему в 88-м ушел Могилевский да и вообще все оставилось?

— Тогда коллектив был распущен. Мы стали впадать в какие-то крайности, некоторые занялись изысканиями в коммерческой деятельности, испортились человеческие отношения, начались трения, у каждого друг к другу накопилось по мешку претензий. Даже если кто-то с кем-то продолжал ладить, находились третьи лица, старавшиеся эти отношения испортить. В результате, поняв, что административным образом мы не в состоянии навести порядок, решили группу распустить. Короче, чтобы не довести дело до истерики, нужно было заглушить мотор.

Видимо, тогда сказало отсутствие опыта. Успех 87 — 88-го годов нас оgorшил. Как шаровой молнией по головам проехали. Концерты, поклонники, то да се. Мы же тогда все побросали свою основную работу. Ушли в так называемые профессиональные музыканты. А потом период своеобразного аффекта прошел и все стало спокойнее восприниматься. У многих начал просто пропадать интерес. А когда видно, что люди уже играют без интереса, — это мучение. В таких случаях лучше, мне кажется, обновлять кровь. Не знаю, может быть, к сожалению, но периодически мы вынуждены это делать.

— Могилевский все-таки вернулся, а Умецкий (второй

лидер старого "Нау") ушел навсегда.

— С Умецким как-то само собой все принципиально решилось. Мы просто не общаемся с ним.

— Конфликт оказался столь глубоким?

— Я не хочу говорить на эту тему. Мне это неприятно, так же как расспросы о том, почему я развелся со своей женой, прожив с ней десять лет...?

Дима — человек с достаточно жесткой жизненной позицией, и его право было принимать окончательное решение и в первом и во втором случаях.

— Ты не раз признавался, что не любишь шумных концертов, не ходишь на тусовки, в рестораны, в кино. А куда же ходишь — в театр?

— Театр я воспринимаю очень предвзято. Меня всегда пугают распространенные ныне актерские работы с эмоциональным пережелем — на зрителя. Чтобы мне что-то понравилось, должен быть слишком хороший спектакль. Особенно занудлив я в отношении к классике. В детстве, конечно, я воспринимал театр иначе. А на сегодняшний день последний спектакль, от которого я получил удовольствие, которого просто не предполагал, — "Мудрец" в "Ленком", когда он только начинался.

— А книги ты читаешь?

— Конечно, читаю.

— Чейза?

— Нет. (Смеется.) В основном, естественно, серьезные. Я много чего читаю, хотя порой мне очень непросто переходить от одного произведения к другому — слишком восприимчив. Кроме того, мне везет. Я имею много настолько эрудированных знакомых, что, следуя их советам, иной раз бросаюсь читать то, за что сам бы еще долгое время не взялся. Например, я очень слаб в плане русской классики, особенно прозы. Наверное, как и многим, охоту к ней отбила школа. По крайней мере мне она привила по отношению к русской литературе ощущение какой-то скучности и плесени. Я, конечно, все равно что-то читал, Набокова например. Но сейчас увлекся как раз тем, что вызывало наибольшую оскормину: Солугуб, Куприн, Брюсов. Брюсов мне, правда, не понравился, но это еще не факт. Надо побольше почитать.

— Слав, вот можно в принципе сказать, кто приходит на концерты "Алисы", "Аквариума". А на "Наутилус"?

— Мне трудно об этом судить. Три четверти концерта я нахожусь практически с закрытыми глазами. Но в какой-то степени нам помогли социологи. На нескольких наших выступлениях они сделали опрос и выяснили, что возрастной спектр очень широк — от 14 до 40. Что касается профессий, то этого я не знаю.

Мы не даем внешне сильного энергетического заряда. У нас другой темперамент. И мне бы очень хотелось, чтобы на концерт приходили те, кто знает, что там будет, в какую атмосферу они упадут и какое настроение получат.